

Грицких Надежда Викторовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной
философии и социологии
Иркутского государственного университета

Gritskikh Nadezhda Viktorovna

Ph.D. in Social Science,
Associate Professor,
Social Philosophy and Sociology Department,
Irkutsk State University

Анохина Анна Альбертовна

студентка Института социальных наук
Иркутского государственного университета

Anokhina Anna Albertovna

Bachelor's Degree student,
Institute of Social Sciences,
Irkutsk State University

Осипов Тимур Алексеевич

студент Института социальных наук
Иркутского государственного университета

Osipov Timur Alekseevich

Bachelor's Degree student,
Institute of Social Sciences,
Irkutsk State University

Сафонов Сергей Андреевич

студент Института социальных наук
Иркутского государственного университета

Safonov Sergei Andreevich

Bachelor's Degree student,
Institute of Social Sciences,
Irkutsk State University

**КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПАТРИОТИЗМА
В «ПАНДЕМИЧЕСКОМ»
ОБЩЕСТВЕ [1]**

**KEY FEATURES
OF PATRIOTISM
IN A «PANDEMIC» SOCIETY [1]**

Аннотация:

Представленная работа посвящена анализу специфики трансформации патриотизма и патриотических ценностей в критической ситуации «пандемического» общества на примере распространения нового вируса COVID-19. На данном этапе развития общества пандемия представлена в качестве глобального внешнего фактора, который оказывает значительное влияние на патриотические установки в социальной среде и понимание патриотизма в целом. Возникает необходимость рассмотрения тех аспектов влияния эпидемии и пандемии, которые приводят к сплочению общества, укреплению социальных связей или же, наоборот, к определенной социальной декомпозиции. Авторами были рассмотрены теоретические концепции патриотизма и социальных рисков, вследствие чего приведен анализ возможных изменений патриотических установок индивидов в пандемических условиях. Представлена история развития категории «патриотизм», выделены его различные формы и виды. Были рассмотрены такие виды общественных реакций, как солидаризация, поляризация и атомизация. Особый упор сделан на первый тип реакции, через его призму выделены внешние и внутренние факторы, способствующие подъему или упадку патриотических настроений. По П. Бэру, обозначены семь условий возникновения солидарности, наличие или отсутствие которых определяет вектор развития патриотизма. Авторами выдвинута гипотеза, заключающаяся в том, что жесткая государственная политика мер предупреждения пандемии на примере введения карантина и самоизоляции, а также нестабильная экономическая ситуация в мире могут способствовать разобщению людей и снижению уровня социальной консолидации. Выявлено, что от качественных показателей солидарности и ее условий напрямую зависит становление «постпандемического» общества, а также трансформация различных социальных явлений, в том числе патриотизма.

Summary:

This paper is focused on the analysis of the specifics of the transformation of patriotism and patriotic values in a critical situation of a "pandemic" society on the example of the spread of a new virus – COVID-19. The pandemic is presented as a global external factor that has a significant impact on patriotic attitudes in the social environment and understanding of patriotism in general at this stage of society's development. There is a need to consider those aspects of the impact of the epidemic and pandemic that lead to social cohesion, strengthening of social ties or, conversely, to a certain social decomposition. The authors considered the theoretical concepts of patriotism and social risks, which resulted in an analysis of possible changes in patriotic attitudes of persons in pandemic conditions. The history of the development of the category "patriotism" is presented, its various forms and types are highlighted. Such types of social reactions as solidarization, polarization and atomization were considered. Special emphasis is placed on the first type of reaction, external and internal factors that contribute to the rise or decline of patriotic sentiment. Seven conditions for the emergence of solidarity, the presence or absence of which determines the vector of development of patriotism, are denoted according to P. Baehr. The authors propounded a hypothesis that a tough state policy of measures to prevent the pandemic, such as the introduction of quarantine and self-isolation, as well as the unstable economic situation in the world, can contribute to the separation of society and reduce the level of social consolidation. It is revealed that the formation of a "postpandemic" society and the transformation of various social phenomena, including patriotism, directly depend on the qualitative indicators of solidarity and its conditions.

Ключевые слова:

патриотизм, пандемия, коронавирус, солидарность, «пандемическое общество», условия солидарности, трансформация, социальная консолидация.

Keywords:

patriotism, pandemic, coronavirus, solidarity, «pandemic society», conditions of solidarity, transformation, social consolidation.

Изучая историю, можно отметить, что наряду с высокими достижениями в сфере науки, искусства и права человечество сталкивалось с великими бедствиями. Войны, революции и эпидемии стали платой за прогресс. С развитием международной системы права тема межгосударственных войн отошла на второй план. Достижение политической стабильности в ряде стран позволило нивелировать проблему революции. В начале XXI в. эпидемия как проблема виделась уже не столь актуальной, однако крупные вспышки заболеваний нашего столетия продемонстрировали ошибочность этого утверждения. Как показала практика, страдать от эпидемии могут и государства с развитой системой здравоохранения. Стало понятно, что в современных условиях вирусы способны распространяться по планете с огромной скоростью. Кроме того, обозначились новые потенциальные географические зоны зарождения патогенов. Даже при значительном количестве достижений человечества в области противодействия эпидемиям нельзя отрицать существование потенциальных угроз такого рода и масштаба.

Эпидемии, как и другие социальные бедствия, оставляют серьезный отпечаток на социокультурных системах, что актуально для любого исторического периода. Однако рассмотрение данной проблематики особенно актуально сегодня, когда прогресс человечества (в первую очередь научно-технологический) опосредует и трансформирует влияние бедствий на социум. В условиях сегодняшней пандемии COVID-19 возникает возможность более детально выявить проявления последствий бедствий такого рода, проследить их влияние на человека, его чувства и установки. Наиболее интересно то, как эпидемия влияет на целостность общества, какие факторы способствуют его сплочению или же разобщению. В связи с этим актуализируется рассмотрение ряда концептов, связанных с этими процессами. Одним из них является концепт «патриотизма», который сегодня можно рассматривать как динамично трансформирующееся явление. В этом случае необходимо проследить существующие в условиях эпидемии факторы влияния на патриотизм и понять, ведут они к росту или упадку патриотических настроений.

Категория «патриотизм» рассматривается в социологии и родственных ей дисциплинах на протяжении многих лет и остается актуальной на современном этапе. Активным изучением патриотизма в настоящее время занимается А.Д. Карнышев. В своих работах, таких как «Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия» [2], «Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты» [3] и «Межкультурная компетентность и межэтническая толерантность студентов» [4], он рассматривает суть патриотических установок через призму социальной психологии. Проблема патриотизма, как основы сильной державы, поднимается в работе А.С. Чебуркова «Социокультурные проблемы патриотизма. Формирование патриотизма у современной молодежи» [5]. Однако на современном этапе развития патриотизм может рассматриваться в качестве источника экстремистских настроений, например, такая позиция отражена в статье И.А. Калининой «Представления о патриотизме как “заряжающая” идея молодежного экстремизма» [6].

Для заявленной нами темы наиболее актуален анализ изменений качественных показателей «любви к родине» под влиянием резких социальных перемен. Трансформация патриотических установок на различных уровнях развития общества рассматривается в статье С.А. Магарила «Смыслы патриотизма – исторические трансформации» [7], написанной в 2016 г. Автор приходит к выводу, что в настоящее время политика национального развития России, включающая в себя поддержание уровня патриотического воспитания граждан, может быть лишь принудительно навязана российскому населению, что влечет за собой негативную тенденцию развития патриотизма в стране. Таким образом, необходимо сделать вывод, что патриотизм подвержен любым изменениям, происходящим в обществе.

Социальные изменения могут носить как прогрессивный, так и регрессивный характер. Экономические кризисы, войны, революции, пандемии, эпидемии и прочие социальные бедствия – все это в значительной степени влияет на структурные элементы социальной системы. Одним из первых затронул тему социальных бедствий П.А. Сорокин в своем труде «Человек и общество в условиях бедствий» и назвал эпидемию одним из четырех «монстров» наравне с «всадником Апокалипсиса» [8]. Методология изучения социальных рисков достаточно широка и разнообразна, однако для нашего исследования необходима и наиболее полезна научная разработанность темы влияния пандемии и эпидемии на состояние общества. Существует ряд научных работ зарубежных социологов, которые изучали влияние эпидемии на жизнь людей. Так, П. Бэр в

своей работе от 2005 г. «Социальная крайность, сообщества судьбы и социология атипичной пневмонии» [9] изучал эпидемию атипичной пневмонии (SARS-CoV), произошедшую весной 2003 г. в Гонконге, и вывел в связи с этим семь условий, при которых общество может сплотиться в подобной критической ситуации.

В современных условиях эпидемии также широко рассматривались на примере ВИЧ/СПИДа. На эту тему в 2005 г. Н.П. Гончаровой написана диссертация под названием «Социальные риски в процессе распространения эпидемии ВИЧ/СПИД в современном российском регионе на рубеже XX–XXI веков». Целью работы является изучение специфики и закономерностей распространения социальных рисков в условиях эпидемии [10]. Ограничение прав личности, в связи с увеличением уровня социальных рисков в эпидемиологических условиях, рассматривается в статье О.И. Бородкиной «ВИЧ/СПИД как риск современного общества» от 2008 г. [11].

Несмотря на недавнее возникновение нового вируса COVID-19, социологи уже активно занимаются изучением мер, принятых государственной политикой, на примере карантина и самоизоляции, а также их влиянием на индивидов. Так, в статье 2020 г. Д. Шапиро «Трансатлантические отношения и коронавирус» [12] автор описывает негативное влияние пандемии на общество, обосновывает ее разделяющий и разобщающий эффект. Также изучением влияния коронавируса на жизнь общества в настоящий момент занимается социолог В.С. Вахштайн. В его работе от 2019 г. «Сообщество судьбы: к военной истории идей» эпидемия и реакция на нее рассматриваются в рамках концепта сообщества судьбы [13]. Далее эта идея развивается в статье «Пандемия, страх, солидарность» (2020), где автор рассматривает различные факторы, которые влияют на восприятие эпидемии жителями зараженных областей, а также показывает, какое это имеет значение для сплочения общества [14]. В целом научная разработанность как аспекта социальных рисков и бедствий, так и темы воздействия эпидемиологических условий на общество достаточно широка. Однако вопрос трансформации патриотических установок индивидов в условиях самоизоляции, масштабного карантина и риска пандемии на настоящий момент не рассмотрен в достаточной степени.

Исследуя понятие патриотизма, можно заметить, что четко определить и концептуализировать его довольно сложно. Объясняется это тем, что данный феномен мыслится не в универсальных категориях, а в более конкретных понятиях. При анализе феномена патриотизма зачастую используются дихотомические демаркации «я – вы», «мы – они», «наше – не наше». Это единственный способ произвести некую методологическую универсализацию, которая, однако, не приближает нас к пониманию природы патриотизма, так как лишена даже малой степени конкретности. В свою очередь дальнейшая конкретизация показывает, что использовать вышеперечисленные демаркации можно разными способами, что осложняет полноценное системное понимание патриотизма как понятия. Таким образом, можно выделить различные уровни и виды патриотизма, множество его форм и проявлений.

Как осознанное чувство и установка патриотизм зарождался в то время, когда человек начинал осознавать свою социальную сущность. Например, он мог быть направлен на защиту своего племени и имущества. Однако его конкретное смысловое содержание, связанное с наиболее устоявшимся пониманием, начало оформляться позже. Этимология самого слова, имеющая истоки в греческом правописании, указывает на эпоху античности. Упоминается проявление этого феномена у эллинских народов (греков и римлян), в культуре которых не было ничего более священного, чем родина. В этом случае патриотизм следует конкретно трактовать как любовь к родине и заботу о ее благе. Здесь родина берется в классическом понимании, как место, где человек родился (не всегда буквально).

Однако уже в античности становление полисов (городов-государств) во многом видоизменило представление о патриотизме, сузило его до выражения патриотических настроений в рамках принадлежности к определенному полису. В этом случае демаркация по типу «мы – они» играет ключевую роль, присутствует четкое разделение на жителей конкретного полиса и всех остальных людей. Из этих соображений антики действовали по принципу: «Весь город является твоей опорой, но и ты являешься опорой этого города» [15]. В представленном выражении мы можем проследить четкую формулу полисного патриотизма, которая выражается во взаимном долге двух сторон. В момент общего бедствия, как правило войны, все жители вставали на защиту своего полиса. Победа над противником достигалась общими усилиями за счет вклада каждого гражданина. Город встает на защиту гражданина и его прав, гражданин же обязан оказать помощь своему городу и согражданам. Несмотря на то, что здесь используется понятие города, речь идет скорее о принадлежности к определенной социальной общности, которое проживает в этом полисе.

Т. е. патриотизм определяется через принадлежность к конкретной социальной общности, когда человек идентифицирует себя как ее члена, признавая групповые ценности и установки наиболее приоритетными. При этом он готов защищать эти ценности и интересы в ущерб своим, зная, что может надеяться на такую же помощь от сообщества, если это будет необходимо. При

историческом анализе такого рода обнаруживается один из вариантов деления патриотизма на его разные формы, которые можно назвать одними из ключевых. В одном из случаев патриотизм выражается в принадлежности к социальной общности и защите ее интересов, в другом – конкретно в любви к родине, преимущественно в территориальном смысле.

Патриотизм, выраженный в любви к родине, можно обозначить как одну из форм территориального патриотизма. В свою очередь патриотизм, выраженный в защите интересов и блага определенной общности, является более общим понятием по отношению к национальному патриотизму. Такое уточнение важно, так как наиболее устоявшимся представлением о патриотизме является именно выделение родины и своей нации как центральных элементов либо вместе, либо по отдельности. Например, это подчеркивает в своем главном труде классик социологии Э. Дюркгейм [16]. Такое уточнение позволяет расширить понятие патриотизма, и выделить еще одно важное, более фундаментальное разделение. Здесь речь идет о классическом патриотизме, где родина и нация выступают как «врожденные» элементы, о блага которых необходимо заботиться, и о патриотизме типа «где хорошо, там и родина» (что тяготеет к идеям космополитизма). Об этом в своих работах упоминал К. Юнг, отмечая, что существует врожденная или приобретенная склонность к миграциям [17, с. 21] (через которую можно приобрести «новую» родину или идентифицировать себя с другой общностью, в том числе и нацией). Автор обозначает это как «страстный патриотизм», в то время как многие другие исследователи не считают это одним из видов патриотизма или ставят ему в противоположность.

Однако на сегодняшний день понятие патриотизма постоянно видоизменяется, расширяется или сужается, получает совершенно новые трактовки. Даже такие, казалось, широкие и собирательные демаркации не могут в полной мере вобрать в себя и систематизировать все имеющиеся представления о патриотизме. Например, выделяется гражданский патриотизм, который связан скорее с правовой и гражданской культурами (гражданственностью), чем с какой-то конкретной территорией или общностью. Хотя и нельзя утверждать, что они совсем не играют роли в этом понятии. Подобная комплексность довольно часто встречается в понятиях патриотизма. Схожую характеристику можно дать государственному, либеральному, интернациональному патриотизму и другим, выбивающимся из общего ряда, формам. Кроме того, перечисленные формы и виды также можно разбивать на уровни или подвиды. Например, территориальный патриотизм можно разбить на уровни по различным территориальным критериям (страна, регион, город и др.). Другие виды можно делить на подвиды и градуировать по степени активности/пассивности и т. д. Нельзя забывать и то, что все эти формы и виды могут в процентном соотношении сочетаться в установках каждого конкретного человека, составлять определенные комплексные установки, что не позволяет нам быть категоричными в суждениях, связанных с личностным аспектом. Все это еще более усложняет концептуализацию понятия патриотизма и обуславливает сложности в отслеживании его трансформаций в различных условиях.

В данной работе нами предпринята попытка отследить, как изменяется и трансформируется патриотизм и различные его формы. Пандемия в этом случае представлена в качестве глобального внешнего фактора, который оказывает значительное влияние на патриотическое установление в социальной среде и понимание патриотизма в целом. Возникает необходимость рассмотрения тех аспектов влияния эпидемии и пандемии, которые приводят к сплочению сообщества, укреплению социальных связей или, наоборот, к определенной социальной декомпозиции. Эти изменения рассматриваются преимущественно в категориях солидарности, которые в свою очередь тесно переплетены с понятием патриотизма.

Например, Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в «Энциклопедическом словаре» определяют патриотизм как «любовь к отечеству, вытекающая из солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации» [18]. Разобравшись с тем, что понимание патриотизма не ограничивается любовью к отечеству, государству или нации, мы можем определить различные его виды с помощью категорий солидарности. Исключить из этого ряда, пожалуй, можно лишь территориальный патриотизм и его производные подвиды. Обусловлено это тем, что при рассмотрении этого вида в качестве идеального типа (в веберовском ключе), мы затрагиваем сугубо территориальный признак без его привязки к человеческому фактору. Т. е. мы не можем рассмотреть этот вид в категориях солидарности в связи с отсутствием субъект-субъектных отношений, что в свою очередь позволяет сделать нам первый шаг в отборе форм и видов патриотизма, которые трансформируются в условиях эпидемии.

На сегодняшний день нет четкого понимания, как та или иная общность реагирует на эпидемию и ее последствия. Так как мы уже подчеркнули необходимость рассмотрения факторов, влияющих на целостность общества в условиях эпидемии, и определили солидарность как одну из ключевых категорий в этом аспекте, целесообразно будет проанализировать благоприятные для солидаризации и противоположных ей процессы условия. В.С. Вахштайн в своей статье

«Пандемия, страх, солидарность» выделяет три типа реакции сообщества на эпидемию: солидаризация, поляризация, атомизация [19].

Обратимся к анализу первого типа реакции – солидаризация. Существует устоявшаяся в общественном сознании точка зрения, которая заключается в том, что наличие общей осознаваемой угрозы является необходимым условием для сплочения сообщества. Это, безусловно, так, однако осознание угрозы не является единственным условием, которое способствует и обуславливает солидаризацию. Этот аспект хорошо проработан в статье П. Бэра «Социальная крайность, сообщества судьбы и социология атипичной пневмонии» [20]. Целесообразно будет использовать совокупность выделенных им условий солидаризации во время эпидемии в качестве основы для дальнейшего анализа. Для удобства будущих выводов разделим семь условий, выделенных П. Бэром, на две группы. Условно обозначим их как внешние и внутренние факторы солидаризации.

К внешним факторам относятся: осознание общей угрозы, уже упомянутое выше, продолжительность испытаний и условия изоляции. Эти условия зависят больше от внешнего воздействия, чем от внутренних характеристик сообщества, что и обуславливает такую классификацию. Осознание общей угрозы сплачивает сообщество за счет наличия «общего врага», что дает повод для объединения ради общего блага. Определенная продолжительность испытаний, в отличие от единичного шока, говорит о серьезности этого испытания, оказывая давление на повседневную жизнь сообщества. Условия изоляции подразумевают в первую очередь фактор отношения между зараженными и незараженными областями. Изолированные области сами по себе представляют угрозу, что формирует определенное отношение к ним, выраженное в нежелании контактировать с населением этих областей.

Таким образом, сообщество сплачивается не только за счет наличия угрозы в виде вирусной инфекции, но и за счет противопоставления себя остальному миру. Важно отметить, что это условие не играет столь важной роли в условиях пандемии. В этом случае теряется осознание «уникальной судьбы» и необходимость противопоставления себя миру. Т. е. в сегодняшних условиях пандемии COVID-19, данное условие не является столь релевантным. Об этом писал Д. Шапиро в своей статье «Трансатлантические отношения и коронавирус» [21], однако используя, на наш взгляд, неоправданно категоричный тезис о том, что эпидемии сплачивают, а пандемии – разобщают. Тем не менее к этой категории также можно отнести и конкретные изоляционные меры внутри сообщества (например, карантин), влияние которых напрямую не зависит от общей мировой обстановки.

К внутренним факторам мы относим моральную плотность, материальную и организационную ресурсную базу, а также оси конвергенции. Под моральной плотностью стоит понимать «степень крепости» социальных связей, наличие сетей близких доверительных контактов. Материальная ресурсная база представляет собой экономический потенциал преодоления критической ситуации (например, государственные стабилизационные фонды). В свою очередь организационная база – это определенный административный ресурс, с помощью которого осуществляется политический контроль над ситуацией. Под осями конвергенции понимаются культурно-исторические основания возможной солидаризации или ее отсутствия, в первую очередь механизмы идентичности. Здесь могут играть свою роль территориальные, конфессиональные и другие мотивы. Мы считаем, что к внутренним факторам солидаризации также стоит добавить еще одно условие, носящее ситуационный характер. Оно заключается в наличии прошлого травматического опыта. При наличии такового, сообщество лучше понимает возможные перспективы развития критической ситуации. Это позволяет выбрать наиболее верную стратегию действий, выполнимость которой зачастую зависит именно от степени сплоченности членов сообщества. Выделенное условие не является универсальным для всех сообществ, его нельзя применить в большинстве случаев, однако оно важно по другой причине. Даже если прошлый травматический опыт не стал условием солидаризации в конкретном сообществе при конкретной критической ситуации, он может стать им в будущем. За счет этого появляется возможность обосновать долгосрочный эффект солидаризации и, соответственно, подъема патриотических настроений.

Седьмым условием, выделенным П. Бэром, были социальные ритуалы. По нашему мнению, это условие является чем-то промежуточным между внутренними и внешними факторами солидаризации. С одной стороны, кризисная ситуация зачастую принуждает к обновлению «ритуального инструментария», при котором подразумевается отказ от традиционных ритуалов. С другой стороны, такие ритуалы все же могут иметь некоторые специфические особенности, присущие определенному сообществу и социальной группе.

Появляется необходимость конкретизировать, какое влияние оказывают перечисленные факторы на восприятие патриотизма, его конкретные формы и патриотические установки в целом. Осознание общей угрозы влияет на патриотические настроения по аналогии с войной. Отличие лишь в том, что в случае эпидемии «враг» не одушевлен и не столь конкретен. Единение происходит за счет противостояния, формируется через него. Аналогии с войной, в случае эпидемий, проводятся и в некоторых отдельных аспектах. Например, врачей называют бойцами,

больницы – передовой, а больных ассоциируют с военнопленными. Эти механизмы способны осуществить подъем патриотических настроений по отношению к определенным группам людей, т. е. речь может идти о национальном патриотизме, патриотизме по отношению к определенному населенному пункту, гражданскому патриотизме и т. д. Продолжительность испытания в таком случае, по нашему мнению, играет вспомогательную роль, подчеркивая серьезность испытания и показывая «силу врага».

Глобальные условия изоляции, как уже было указано выше, оказывают не столь сильное влияние на солидаризацию и патриотические установки в условиях пандемии. Однако, если рассмотреть вариант с эпидемией, такое влияние очевидно. Единение и подъем патриотических настроений обусловлен в этом случае еще и противопоставлением своего сообщества остальному «незараженному миру», а также осознанием «уникальности судьбы». Зачастую враждебное отношение мирового сообщества к жителям зараженных зон заставляет их сплотиться еще больше. Здесь прослеживается зависимость от давления, оказываемого на сообщество, и чем оно больше, тем вероятней возможность подъема патриотических настроений. Также изоляцию в условиях эпидемии можно понимать буквально, подразумевая такие меры как карантин и самоизоляция. Слишком жесткая политика в этом аспекте может привести к реализации сценария «атомизации», одного из типов реакции на эпидемию, указанных выше. Как писал А. Камю в своем романе «Чума», «...в обострившемся до пределов одиночества никто не мог рассчитывать на помощь соседа и вынужден был оставаться наедине со всеми своими заботами» [22]. В этом случае распадаются (по крайней мере, временно) сети социальных контактов индивидов, изоляция, выражаясь словами З. Баумана, выступает как мощная индивидуализирующая сила. В силу вступает гоббсовская «война всех против всех» [23]. Все «свои» становятся «чужими», каждый вынужден решать свои проблемы самостоятельно. Все это оказывает значительное влияние на патриотические настроения, разобщенность общества ведет эти установки к закономерному снижению.

Одним из условий, отнесенных к внутренним факторам, является моральная плотность. Как уже было сказано, под этим подразумевается наличие сети крепких социальных связей и доверительных контактов. В этом случае почва для дальнейшего формирования солидарности и патриотических установок уже существует. В определенной мере возможно транслирование уже существующего задела для подъема патриотических настроений с малых групп на более обширные. Таким образом, сеть крепких социальных связей и доверительных контактов, которая имеется у человека, может расширяться (временно или на постоянной основе). Однако, по нашему мнению, подобная трансляция на более обширные группы имеет ограниченный потенциал. В связи с этим стоит отметить, что данное условие в большей степени влияет на патриотические установки, направленные на группы относительно небольшого размера.

Таким образом, например, можно констатировать незначительное влияние моральной плотности на национальные виды патриотизма, и, наоборот, значительное – на патриотизм городского сообщества. Т. е. применима градация по типу «меньше сообщество – сильнее влияние». Одна эта формула справедлива для «положительного сценария» влияния моральной плотности. Слишком большая моральная плотность, выраженная в сети крепких социальных связей, может отрицательно повлиять на патриотические установки по отношению к сообществу. Это может выразиться в зависимости от своего окружения и противопоставления этого окружения остальной части сообщества.

Материальная и организационная ресурсные базы имеют узконаправленное влияние на патриотические настроения. Ключевым моментом здесь является то, что под такими ресурсами в первую очередь понимаются государственные и муниципальные или их совокупность (в зависимости от масштабов эпидемии). Соответственно, грамотное или неграмотное (с точки зрения управленческих решений) использование этих ресурсов в первую очередь влияет на отношение к локальным политическим институтам. Это обуславливает влияние на «политизированные» формы патриотизма, например, на так называемый государственный патриотизм, который заключается в поддержке государства как политического института. Можно заметить, что эпидемия как критическая ситуация в этом аспекте зачастую выражается в непопулярных политических решениях, что соответственно снижает уровень патриотических настроений, направленных на политические институты.

Например, полное вымещение анализа экономической обстановки из повестки дня на фоне эпидемии зачастую вызывают недовольство граждан. В этом случае преобладает мобилизационная политика, направленная сугубо на преодоление эпидемиологической проблемы, но не учитывающая при этом необходимость наличия у граждан адаптационных ресурсов для функционирования в условиях всеобщей мобилизации. При отсутствии таких ресурсов граждане вынуждены «добывать» их самостоятельно, что является функцией государственной власти. Используя терминологию Р. Мертона, можно отметить, что при критическом снижении патриотических настроений в таком случае не исключаются наиболее радикальные типы адаптации, включая революцию [24].

Оси конвергенции, как одно из условий солидаризации, в аспекте патриотизма в первую очередь мыслятся как определенные механизмы идентичности. В критических условиях, в частности в условиях эпидемии, можно говорить о радикализации работы этих механизмов. Если уже существовали мощные механизмы идентичности, они будут мобилизованы за счет существующей обстановки, что способно привести к резкому подъему патриотических настроений. Справедливо будет отметить, что это может относиться лишь к малым группам, а не ко всему сообществу в целом. Соответственно, возможен раскол общества по различным признакам, например, религиозным, национальным и т. д. Этот сценарий является основой упомянутого выше типа реакций общества на эпидемию, а именно поляризации. Такой тип реакции заключается в том, что эпидемия «оживляет» уже существующие основания для разобщения, возможно находившиеся в неактивной фазе. Важно заметить, что сам термин «поляризация» подразумевает разделение на два полюса, т. е. две враждующие стороны, однако их может быть больше (в зависимости от количества и дифференцированности осей конвергенции).

Особые социальные ритуалы во время эпидемий являются довольно специфическим условием солидаризации и изменения патриотических настроений. Как уже было отмечено, в обобщенном виде это условие не может однозначно считаться в полной мере ни внутренним, ни внешним фактором представленных процессов. Также неоднозначно может быть его влияние на патриотические установки человека. Как указано выше, зачастую оно подразумевает отказ от традиционных ритуалов в пользу новых «безопасных», что продиктовано чувством самосохранения. Это чувство является естественным проявлением, его важность подтверждается рациональными соображениями. Однако это не исключает возможности конфликта между рациональностью и культурой сообщества. Возможны ситуации, в которых «культурная память» перевешивает рациональные соображения, что может привести к конфликту при социальных контактах.

В качестве примера можно привести всемирную практику отказа от рукопожатий, которые являются неотъемлемой составляющей традиционного ритуала приветствия во многих современных странах. Соответственно, отказ от рукопожатия в этих культурах в ходе интеракции считается как проявление неуважения. Если традиционная реакция на отказ от ритуалов такого рода преобладает над рациональной реакцией, возникает конфликтная ситуация. Учитывая повсеместность ритуалов такого рода, правомерно сделать вывод о том, как разный взгляд на необходимость рационализации этих ритуалов может негативно влиять на единство сообщества, в частности на патриотические установки. Влияние в этом случае в первую очередь будет направлено на такие социальные группы, в которых установлены единые культурные коннотаты.

Неоднозначность влияния социальных ритуалов, как условия солидаризации, может выражаться также в том, что привести пример обратного эффекта можно при использовании того же исходного материала. Практика отказа от рукопожатий может также стать основанием для единения различных культур за счет взаимных заимствований. Известен пример заимствования ритуала приветствия из индийской и непальской культур, который на сегодняшний день практикуется повсеместно. Таким образом, ритуалы могут распространяться по планете и становиться неким «общим знаменателем» для людей, у которых ранее не было ничего общего. Это имеет влияние на патриотические установки, тяготеющие к идеям космополитизма. Появляется психологическое основание для чувства единства с людьми, которые не являются частью повседневной жизни человека. Кроме того, даже принципиально новые ритуалы могут стать новым источником идентичности, так как позволяют формировать новые группы «поверх» устоявшихся культурных оснований сообщества. Это имеет влияние преимущественно на малые группы и их внутреннее патриотические установки.

Разделение факторов влияния на патриотические установки и настроения позволяет сделать некоторые обобщенные выводы о долгосрочности эффектов этого влияния. Внешние факторы солидаризации способны формировать новые ресурсы патриотизма, которые не имеют конкретной корреляции с имманентными характеристиками сообщества. В свою очередь внутренние факторы используют уже существующие ресурсы, которые мобилизуются за счет общей обстановки, в нашем случае – эпидемии. В обоих видах факторов внешняя обстановка, в конкретном случае эпидемия, выступает в качестве мобилизационных ресурсов. Однако в первом случае мобилизационные ресурсы действуют фактически «самостоятельно», а во втором – содействуют внутренним ресурсам сообщества.

Таким образом, правомерной выглядит гипотеза о том, что выделенные внешние факторы влияния на патриотические установки и настроения имеют лишь краткосрочное влияние, которое действует преимущественно во время критической ситуации. Внутренние факторы, в свою очередь активизирующие внутренние ресурсы, могут оказать долгосрочное влияние. В этом случае ключевую роль играет социальная память и травматический опыт, выделяющие некоторые позитивные и негативные стороны солидаризации и соответствующего подъема патриотических

настроений. Это может сочетаться с определенным диагностическим эффектом эпидемий, который выражается в выявлении слабых сторон сообщества в различных областях. Таким образом, появляется возможность рассмотреть, какое позитивное или негативное влияние оказывают патриотические установки населения, как это может изменить дальнейшую жизнь сообщества и какие ресурсы стоит для этого использовать.

Подводя итог, необходимо сказать, что патриотизм, как специфичное чувство отождествления себя с определенной общностью, может проявляться в различных формах. Относительно трансформации патриотизма в условиях социального бедствия были проанализированы возможные реакции сообщества на эпидемию. Солидаризация, определенная как основа и исток патриотических настроений, выделена в качестве главного фактора трансформации патриотизма в обществе. При рассмотрении условий солидаризации были обозначены внешние и внутренние факторы, влияющие на патриотические установки. Наличие или отсутствие этих условий, в свою очередь, во многом определяет вектор изменения патриотических настроений. Каждое конкретное условие имеет влияние на определенный спектр форм и видов патриотизма. Однако необходимо учитывать, что выделенные условия всегда фигурируют в определенной совокупности, что обуславливает комплексное влияние на патриотические установки в обществе. Более глубокое рассмотрение сочетаний факторов в этом аспекте и анализ конкретных исторических ситуаций позволит обеспечить дальнейшее теоретическое развитие и практическую применимость данной темы.

Ссылки и примечания:

1. Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)» (2018–2020 гг.). Грант № 18-013-00785.
2. Карнышев А.Д. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия. Иркутск, 2015. 427 с.
3. Карнышев А.Д., Карнышева О.А., Иванова Е.А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М., 2017. 420 с.
4. Карнышев А.Д., Карнышева О.А., Иванова Е.А. Межкультурная компетентность и межэтническая толерантность студентов // Социология образования. 2013. № 6. С. 62–79.
5. Чебурков А.С. Социокультурные проблемы патриотизма. Формирование патриотизма у современной молодежи // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы первой междунар. науч.-практич. конф. 2010. С. 175–178.
6. Калинин И.А. Представления о патриотизме как «заряжающая» идея молодежного экстремизма // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3 (32). С. 115–120.
7. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
8. Sorokin P.A. Man and Society in Calamity; the Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence Upon Human Mind, Behavior, Social Organization and Cultural Life. N. Y., 1943. 352 p.
9. Baehr P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. Vol. 46. no. 2. P. 179–211.
10. Гончарова Н.П. Социальные риски в процессе распространения эпидемии ВИЧ/СПИД в современном российском обществе на рубеже XX–XXI веков: по материалам социологических исследований в Алтайском крае. дис ... канд. социол. наук. Республика Алтай, 2005. 196 с.
11. Бородкина О.И. ВИЧ/СПИД как риск современного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 12 (2). С. 216–221.
12. Shapiro J. A View From Washington: the America First Pandemic [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations. 19 March 2020. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_a_view_from_washington_the_america_first_pandemic (дата обращения: 14.04.2020).
13. Вахштайн В.С. «Сообщество судьбы»: к военной истории идей // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 12–52. 10.22394/2074-0492-2019-4-12-52.
14. Вахштайн В.С. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 1–7.
15. Моска Г. История политических доктрин. М., 2012. 326 с.
16. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. 576 с.
17. Юнг К.Г. Йога и Запад. Львов, 1994. С. 21.
18. Цит. по: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Спб., 1907.
19. Вахштайн В.С. Пандемия, страх, солидарность.
20. Baehr P. Op. cit.
21. Shapiro J. Op. cit.
22. Camus A. La Peste. Paris, 1947. 224 p.
23. Гоббс Т. Левиафан. М., 2017. 672 с.
24. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1996. С. 299–313.

Редактор: Шитикова Ольга Сергеевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна